

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В 1933 ГОДУ И ВОПРОС ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЫ

Д.В.Офицеров

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Статья посвящена альтернативам развития польско-германских отношений, а также причинам, по которым сближение этих стран стало возможным.

Проблема сближения Польши и Германии в 1933 г. получила достаточно широкое освещение в исторической науке, как в специальных исследованиях, так и в работах с более широкой проблематикой. Много внимания польско-германскому сближению уделяется именно в исследованиях, посвященных внешней политике санационной Польши, и гораздо меньше – в работах о внешней политике Германии. Такой дисбаланс фактически адекватен значению двусторонних отношений для каждой из стран.

Типичной чертой исследований, посвященных внешней политике Польши, является определенное преувеличение роли этой страны в формировании европейской безопасности. В работах советских авторов нередко делается акцент на характере санационного режима, обусловливавшем стремление к соглашению с фашистской Германией. В современных польских исследованиях, наоборот, проявляется тенденция представить Польшу как страну, подчинявшуюся принципам мирного соседства и равноудаления в отношениях с Германией и СССР, т.е. предпринимается попытка вписать ее в широкий круг стран, пострадавших от доверия к Гитлеру. Заданность выводов, построенных на основе ключевого для многих авторов вопроса о наличии или отсутствии вины польского руководства в сентябрьской катастрофе 1939 г., приводит к снятию проблемы генезиса, развития отношений между Польшей и Германией. Вводится определенная статичность в понимание проблемы, препятствующая поиску альтернатив.

Соответственно, недостаточно изученной представляется проблема планов превентивной войны против Германии 1933 г. Судя по свидетельствам современников Польша предлагала Франции превентивную войну против Германии в 1933 г. Исследователи, напротив, выражают уверенность в том, что если планы и имели место, то их роль заключалась в проверке союзнической готовности Франции или др. Полагаем, что фактический отказ от рассмотрения проблемы является следствием неприятия всего того, что не вписыва-

ется в линейную схему, призванную объяснить даже те явления, которые невозможно в полной мере подвергнуть рациональной трактовке – мотивацию и сомнения, настроения и предубеждения.

Упрощает действительность и попытка увидеть в политике то постоянство, которое создается некой предполагаемой константой интересов. Это возможно лишь при игнорировании того факта, что «интерес» является не более чем субъективным отражением объективных потребностей, имеющих преимущественно личную основу.

Наряду с исследованием индивидуального фактора во внешней политике важным представляется поиск факторов ограничивающих поле возможностей в процессе принятия политических решений. Основания, на которых строится всякая внешняя политика, позволяют очертить сферу личного участия. Мы выделяем следующие виды оснований для внешней политики каждой страны: индивидуальные, ролевые, правительственные, общественные, системные. В каждом из них заложены соответствующие двигатели и ограничители внешней политики.

Самостоятельным и, как правило, очень серьезным ограничителем выбора в международных отношениях, во внешней политике отдельных стран, могут являться тенденции и процессы, действующие по принципу аттрактора и подчиняющие своему движению действия элементов, составляющих систему. В этом смысле эскалация ксенофобии и реваншизма в межвоенной Германии была тем течением, которое вело в своем направлении и германскую внешнюю политику. Вооружение Германии в 1930-е гг. стало экономической необходимостью, ускорившей товарооборот и создавшей рабочие места, т.е. представляло собой самостимулирующийся и практически неизбежный процесс.

В 1920-е – начале 1930-х гг. польско-германские отношения ухудшались перманентно. Германскими дипломатами не было сделано попытки выровнять отношения с Польшей после польско-советского договора о ненападении 1932 г., что могло бы усилить позиции страны в отно-

шениях с СССР и западными державами. Разрядка напряженности в отношениях с Польшей потребовала бы от Германии отступить от некоторых претензий, а главное – осуществить очень сложный процесс торможения и прекращения эскалации конфликтности в отношениях. Информационная война Германии против Польши приобрела уже такой характер и масштабы, при которых порог чувствительности перейден и возможна только эскалация, а любое правительство, попытавшееся остановить процесс по причинам рационального экономического или иного характера, было бы обречено.

Разрядка в польско-германских отношениях была возможна только при кардинальной смене идеологической базы, предъявлении германскому обществу нового врага и новых способов снятия версальского унижения Германии. Именно поэтому приход Гитлера к власти в Германии и возникший националистический крен породили в среде польской элиты не столько опасения, сколько вопросы, связанные с неопределенностью ситуации и перспектив отношений с западным соседом.

Первоначально Гитлер ужесточает таможенную войну с Польшей и подтверждает давние претензии на Верхнюю Силезию, Гданьск и Поморье. Однако в первое время внутривластная ситуация в Германии была далека от той, которая сложилась позднее и характеризовалась единовластием фюрера. Правильная оценка внешней политики Германии в тот период возможна лишь при осознании того, что Гитлер 30 января 1933 г. возглавил коалиционное правительство. В состав кабинета входили беспартийный вице-канцлер Ф. фон Папен, а также представители ДНВП (*Deutschnationale Volkspartei*) во главе с А. Хюгенбергом. Особыми политическими игроками были Рейхсвер и президент П. Гинденбург. Задачей Гитлера было удержать правительство от распада, показать его жизнеспособность и подчинить его членов, особенно идеологических конкурентов национал-социалистов из ДНВП. В области внешней политики задача Гитлера в тот момент – упрочение своей позиции как продолжателя веймарского ревизионизма. Справедливо замечено М. Войцеховским, что, «обретя власть, Гитлер не имел выкристаллизовавшихся до конца взглядов на формирование отношений с Польшей»¹. Подходя к ним с позиций «ревизии Версаля», Гитлер был обязан следовать правилам и публично выдвигать антипольские лозунги. Раушнинг вспоминал впоследствии, что еще летом 1932 г. Гитлер сказал ему о своей готовности соглашения с Польшей. Первый шаг в польско-германском сближении был сделан Гитлером. Во время приема у президента Гинденбурга в феврале 1933 г., на котором тот представлял новому канцлеру аккредитованных в Берлине дипломатов, Гитлер подошел к польскому послу и начал с ним беседу. А. Высоцкий заверил Гитлера в том, что Польша не имеет никаких агрессивных

намерений в отношении соседей. Гитлер также заверил, что Германия нуждается в мире «может быть еще больше, чем Польша, которую мудрая политика маршала Пилсудского спасла от тех переворотов, через которые должна была она (Германия. – Д.О.) пройти. О войне думают только глупцы и сумасшедшие»².

Уже 12 февраля 1933 г. Гитлер дал интервью представителю лондонской «*Sunday Express*» и в чрезвычайно острой форме выступил за скорейшую ревизию польско-германской границы, так что газета была вынуждена подать позицию Гитлера в чрезвычайно сглаженной форме. Выборы в Рейхстаг были назначены на 5 марта 1933 г. и польской дипломатией агрессивные заявления Гитлера были восприняты как элемент предвыборной кампании. Ответом Польши стал доклад министра Ю. Бека в комиссии сейма по иностранным делам 15 февраля 1933 г. Важнейшими в докладе были следующие слова: «... наше отношение к Германии и ее проблемам будет точно таким, как отношение Германии к Польше. Потому практически в этой области большее зависит от Берлина, нежели от Варшавы»³. Выступление Ю. Бека можно было интерпретировать как протянутую руку в сторону Германии, министр и сам подтверждал это в своих воспоминаниях.

После победы национал-социалистов на мартовских выборах 1933 г. и последующего предоставления Рейхстагом исключительных полномочий канцлеру Гитлеру появилась возможность разрядки в отношениях с соседними странами, в том числе с Советским Союзом. Причиной было тяжелое экономическое положение, в котором находилась Германия. В начале мая 1933 г. в рейхсканцелярии была проведена экспертиза состояния и перспектив германского товарообмена, а ее результаты и комментарии к ним были доведены до Гитлера. Этот документ утверждал, что если правительство Германии намерено наладить производство вооружений и обеспечить связанный с ним экономический рост, необходимо нормализовать внешнеэкономические связи, нарушенные экономическим кризисом, таможенными войнами и бойкотом национал-социалистического режима. «Германия должна – значилось в документе, – изыскать и использовать любую щель в политической и торгово-политической блокаде, в которой она находится»⁴. По справедливому замечанию А. Д. Богатурова, «в первые годы нацистского режима ... [политическая линия] предусматривала мирные отношения Германии со всеми ее соседями на двусторонней основе, но неприятие существующего мирового порядка в целом»⁵.

Еще с 1920-х гг. Ю. Пилсудский неоднократно выражал готовность к установлению *modus vivendi* с Германией, о чем Гитлер был хорошо информирован. В контексте обоюдного стремления правительств двух стран к нормализации отношений наличие у польского руководства планов превен-

тивной войны против Германии кажется парадоксом или мистификацией. Однако многое свидетельствует о том, что Польша в конце 1932 г. и в начале 1933 г., т.е. еще до прихода Гитлера к власти, стремилась создать широкий антигерманский фронт. В начале 1933 г. (январь и март) в Женеве состоялись беседы министров иностранных дел Польши и Чехословакии Ю.Бека и Э.Бенеша. Ими был проведен зондаж почвы: Ю.Беком – относительно заключения оборонительного союза, открыто направленного против германского ревизионизма, Э.Бенешом – относительно подписания дружественного трактата. Польское предложение было отвергнуто Чехословакией, а чехословацкое было расценено польской дипломатией как совершенно бесполезное.

Германская дипломатия и разведка внимательно следила за всеми антинемецкими приготовлениями Польши. Особенно примечателен как источник тайный рапорт германского посла в Варшаве Г. фон Мольтке от 29 апреля 1933 г.⁶, посвященный проблеме превентивной войны Польши против Германии. Посол пишет, что проблему эту он изучал в течение нескольких месяцев, т.е., вероятно, с самого начала 1933 г. Мольтке не сомневается, что Советский Союз после прихода Гитлера к власти дал Польше гарантии своего нейтралитета в случае ее конфликта с Германией. Мольтке, следуя принципам объективности, приводит ряд аргументов против превентивной войны, но все же склоняется к мысли, что опасность со стороны Польши очень велика, а Франция, поставленная перед фактом, не откажет Польше в выполнении данных ранее союзнических обязательств.

Вопрос превентивной войны является одним из наиболее спорных в ряду проблем польско-германских отношений 1930-х гг. Прежде всего его связывают с так называемой аферой на Вестерплатте. Данцигский вопрос был острием польско-германских противоречий. Решение проблемы спорного города возникло одинаковое у обеих сторон. В конце февраля – начале марта 1933 г. германским командованием был разработан план захвата Гданьска в ночь с 5 на 6 марта. На несколько дней опередив немцев, польский корабль «Вилия» высадил двести солдат на территории вольного города. Несмотря на опасения современников, конфликт разрешился мирным путем, но затем появились предположения, что в марте 1933 г. Ю.Пилсудский представил французскому правительству свой план превентивной войны с Германией. Именно эти версии, появление которых, возможно, даже предшествовало инциденту на Вестерплатте, оценивал посол Мольтке.

Большинство историков полагают, что планов превентивной войны не было вовсе или создавалась видимость их существования, что было необходимо Ю. Пилсудскому для шантажа Германии, а также для противодействия наметившемуся

сближению западных держав и Германии и проверки на прочность союза с Францией. Наиболее осведомленные современники событий и их непосредственные участники относятся к этим предположениям без скепсиса. Впервые они были задокументированы в ноябре 1933 г., когда польский журналист С. Дембиньски рассказал в Берлине одному из сотрудников британского посольства, что в апреле 1933 г. или несколько ранее «Польша довела до сведения Франции свои планы готовности вступить с ней в альянс и вторгнуться в Германию, если Франция готова сделать первый шаг»⁷. Как утверждал С. Дембиньски, Франция ответила отказом, что и стало причиной польско-германского сближения, обозначившегося осенью 1933 г.

Обсуждение вопроса превентивной войны в исторической науке началось с публикации С.Мацкевича⁸ в 1941 г., в которой он изложил свою версию событий. С уверенностью бельгийский историк Ш. де Лони⁹ утверждает, правда, не ссылаясь на документы, что в 1933 г. Польша предлагала Франции начать превентивную войну.

В начале 1939 г. член партии радикалов во французском парламенте Ш. Монтиньи с горечью говорил во французском парламенте о неиспользованной в 1933 г. возможности предупреждения германской угрозы. Бывший премьер-министр Л.Бипом в 1946 г. в ходе расследования причин поражения Франции в 1940 г. заявлял, что можно было не допустить войны, выступив вместе с Польшей и Англией против Германии в 1933 г. Бывший посол Франции в Германии А.Франсуа-Понсе считает факт польского предложения несомненным. Бывший атташе польского посольства во Франции Я.Боцянки вспоминает о тайной инструкции МИД Польши, данной в октябре 1933 г. послу в Париже; в ней утверждалось, что польское правительство ввиду отклонения Францией ее инициативы считало себя вынужденным регулировать отношения с Германией собственными методами.

Посол Польши в Вене в 1932-1938 гг. Я.Гавроньски вспоминает, что на обратной дороге из Варшавы в 1933 г. один французский генерал, приехавший для согласования взглядов с польским Генеральным Штабом, рассказал ему, что, когда он был принят Пилсудским, тот через всю комнату закричал: «Est-ce que Vous voulez marcher on non? Car si non, je n'ai rien a Vous dire»¹⁰.

Гавроньски не утверждает, что планы превентивной войны у польского руководства были, он даже указывает на отсутствие документов, исходя из которых такой вывод можно было бы сделать, но из информации, которая содержится в его мемуарах, следует почти однозначный вывод, что планы превентивной войны у Пилсудского были и предложение Франции было сделано. Гавроньски приводит факты зондажа позиции СССР: 29 апреля – 6 мая 1933 г. в Москве находился полковник

Медзиньски, вернувшийся оттуда с благоприятными впечатлениями. В Париж был направлен, если память не изменяет Гавроньскому, Венява-Длугошевски, позиция французов по вопросу превентивной войны была крайне негативной. Гавроньски вспоминает слова, сказанные им в споре с французским дипломатом в Вене Пуо и являющиеся более весомым аргументом в пользу версии о подготовке превентивной войны, чем предыдущие рассуждения на эту тему: «...это Польша предлагала превентивную войну с Гитлером, и в каждом случае, когда Гитлер нарушал условия соглашений с Францией, Польша самостоятельно и без просьбы выражала готовность вооруженного выступления на стороне Франции, о чем он, Пуо, должен лучше знать, так как сам принимал в Вене возвращавшегося из Варшавы французского генерала, который с нашим маршалом Пилсудским на эту тему говорил»¹¹.

По мнению польского исследователя М.Войчеховского¹², Ю.Пилсудский использовал угрозу превентивной войны как средство шантажа Германии, желая ускорить заключение соглашения с ней и усилить позиции Польши в намечавшихся переговорах. Д.Климовский¹³ считает, что целью мистификации было проверить на прочность союз с Францией. Точки зрения многих исследователей сводятся к этим двум, совершенно не исключая друг друга. Представленные мнения не исключают возможности наличия у Ю.Пилсудского двух альтернативных планов, один из которых предполагал бы совместную с Францией превентивную акцию в отношении Германии. Логика и здравый смысл являются основой скептических мнений, суть которых заключается в том, что план превентивной войны – не более чем инсценировка. Информированность и убежденность участников событий служат источником противоположной точки зрения, аргументом в пользу которой может быть признан и факт дипломатических усилий Польши в начале 1933 г. в отношении Франции, Чехословакии и СССР.

Объективный взгляд на проблему превентивной войны позволил предположить существование альтернативных планов развития отношений с Германией. Это не означает, что Пилсудский был готов к превентивной войне и начал бы ее при согласии Франции. Скорее всего, он такую возможность даже не рассматривал, но был, очевидно, готов к созданию широкого антигерманского фронта. Предложение Пилсудского должно было усилить позиции той части французской элиты, которая верила в необходимость поддержания системы восточных союзов, из которых союз с Польшей был, безусловно, важнейшим, и, соответственно, выступала против соглашения с Германией. Источники предложения Ю.Пилсудского следует искать в гитлеровском ревизионизме и в возможности реализации проекта пакта четырех.

Традиционно, началом польско-германского сближения исследователи считают встречу Гитлера с польским послом А.Высоцким 2 мая 1933 г. Однако следует упомянуть тот малоизвестный факт, что задачей польского посла, поставленной маршалом Ю.Пилсудским, являлось значительное ухудшение отношений с Германией, усиление напряженности. Гитлер не дал поводов к этому, наоборот, он вел себя на удивление дружелюбно.

Уже к осени 1933 г., согласно воспоминаниям Ю.Бека, Ю.Пилсудский и он сам утвердились в мнении о революционном характере гитлеровского режима, позволяющем якобы увеличить шансы использования принципиально нового подхода к старым польско-германским противоречиям. Выразитель официальной точки зрения, С.Мацкевич так определил тогда характер новой власти в Германии: «Страшнейшим врагом Польши был покойник Штресерман... Штресерман хотел начать программу освобождения Германии с наиболее слабой стороны, то есть со стороны Польши. Иное дело Гитлер: у него аншлюс. Немецкие националисты – это капиталистический и юнкерский империализм, это старые пруссаки, это фронт антипольский. Гитлер представляет новую идеологию мелкой буржуазии, идеологию безработного и проститутки, которые хотят быть мелкими буржуа, иметь дом, детей и граммофон. Муссолини боится аншлюса и толкает Гитлера на Польшу, предлагая заключить пакт четырех. Приход Гитлера и сложившаяся ситуация очень выгодны для Польши»¹⁴.

Я.Гавроньски в своих воспоминаниях указывает на появление двух новых парадоксально соединившихся в польской внешней политике тенденций: усиление ощущения угрозы и великодержавной горячки – «танца на вулкане заканчивающейся конъюнктуры». Международная политика безвозвратно менялась – значение малых стран достигло низшего предела, а крупные международные игроки все менее стремились к краткосрочной выгоде и больше ориентировались на долгосрочную стратегию.

К лету 1933 г. Германия фактически оказалась в международной изоляции. Ее международное положение еще более ухудшилось в октябре 1933 г., когда она отказалась участвовать в конференции по разоружению (12 октября 1933 г.), а затем вышла из Лиги Наций (19 октября 1933 г.). Ю.Пилсудский прекрасно осознавал, что сложное положение Германии, неизбежно станет для нее стимулом сотрудничества с Польшей. Этот интерес Германии соответствовал великодержавным намерениям Польши: заключение соглашения между ними позволило бы ослабить позиции Франции в регионе и в Европе. Большое значение для намечавшегося сближения с Польшей имело намерение лидеров «Третьего Рейха» использовать ее в антисоветских планах. Однако наиболее существенную роль в решении Гитлера пойти на

соглашение с Польшей играло опасение возможности превентивной войны, и именно войны на два фронта. Впоследствии, уже осенью 1934 г., Гитлер на тайном совещании объяснил свою позицию: Польша нужна лишь до тех пор, пока не будет снята угроза на Западе.

Пилсудский, безусловно, понимал мотивацию Гитлера и утверждал, что одно дело - заключать договоры, а другое – верить заявлениям Гитлера. От подписания договора Ю.Пилсудский ждал прежде всего прекращения таможенной войны с Германией, исключения германских территориальных притязаний как фактора беспокойства и, вероятно, устранения опасности вмешательства Германии во внутренние дела Польши под предлогом защиты прав немецкого меньшинства. Пилсудский осознавал, что условия соглашения могут быть далеки от идеальных, но было очевидно, что положение Германии, в каком она оказалась в конце 1933 г., сохраняться бесконечно не может. После договора о равноправии в вооружениях и особенно после того, как германская делегация покинула женеvскую конференцию по разоружению, стало очевидным, что необходимо урегулировать отношения с Германией еще до ее выхода из кризиса.

Польско-германский договор о ненападении был заключен 26 января 1934 г. Польская сторона так спешила подписать его, что Ю.Пилсудский решил отказаться от большинства поправок к документу. Вызвав к себе незадолго до подписания окончательного варианта договора посла Ю.Липского, он дал понять, что заинтересован в быстром окончании переговоров. При подготовке декларации Германия пыталась включить в нее пункт о возможности пересмотра границ, а Польша старалась вынудить Берлин к признанию status quo. Характер компромисса был таков, что ни одна из сторон не достигла своих целей. Однако Польша застраховала себя от вмешательства Берлина в ее внутренние дела под предлогом защиты прав немецкого меньшинства, а также добилась от Германии признания факта существования польско-французского союза. Декларация о неприменении силы была действительна в течение десяти лет с момента обмена ратификационными грамотами. В отличие от польско-советского пакта о ненападении договор сохранял силу и в случае вступления одной из сторон в войну с третьим государством. Это указывает на то, что любая агрессия одного государства не затронет интересов другого.

Позицию Пилсудского в период переговоров с Германией характеризует один из его приближенных, К.Свигальски: «Комендант выждал момент выхода Германии из Лиги Наций и поставил дело следующим образом: коль скоро Германия не сдерживается гарантиями Лиги Наций, то она должна дать Польше какие-то гарантии безопасности. Иначе комендант будет должен применить в своих военных делах оборонную систему, обра-

ценную однозначно против Германии»¹⁶. К.Свигальски очень много пишет о настроениях и мнении маршала: «Комендант меньше ценит подписанные акты, а больше то, что через позицию Гитлера изменилась психология немецкого народа в отношении Польши. Поэтому даже тогда, когда бы к власти пришли пруссаки, а это было бы для нас хуже всего, эта психологическая перемена в немецком народе будет для них препятствием для возвращения к старой антипольской политике»¹⁷. Правда, К.Свигальски отмечает, что мирные отношения Польши с соседними державами вечно сохраняться не могут и «Комендант считает, что добрые отношения между Польшей и Германией могут продолжаться еще четыре года, при взгляде исключительно на психологические изменения, которые происходят в немецком народе, за большее количество лет Комендант однако не ручался»¹⁸.

Незадолго до смерти в 1935 г. маршал Ю.Пилсудский, понимая перспективы развития отношений с Германией, сказал, что его наследникам «трудно будет сохранить status quo 1934 года, им будет не хватать умения анализировать и находить новые подходы»¹⁹. Он был невысокого мнения о своих преемниках. В.Енджеевич вспоминал, что за два дня до ухода с поста премьер-министра, следовательно, в мае 1934 г., он нанес визит маршалу. «До конца жизни, – писал он, – буду помнить выражение этого страдальческого и усталого лица, которое было в тот момент передо мной. После долгого молчания я услышал шепот: “Ах уж эти мои генералы. Что они сделают с Польшей после моей смерти?” Он повторил эти слова во второй и в третий раз...»²⁰. Недооценивавший в свое время угрозу со стороны Германии, к концу жизни в 1935 г. Ю.Пилсудский пришел к выводу, что «хорошие отношения между Польшей и Германией могут продлиться не более четырех лет»²¹, т.е. до 1939 г.

Примечания

¹ *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie 1933-1938. Poznań, 1980. S.21.

² *Ibid.* S.22.

³ *Ibid.*

⁴ *Фолькман Г.-Э.* Польша в политико-экономических расчетах «третьего рейха» в 1933-1939 гг. // <http://www.tnad.usk.ru/~history/Author/Engl/F/Folkman/Articles/folkman.html>.

⁵ *Богатуров А.Д.* Кризис версальского порядка (1933-1937) // Системная история международных отношений: В 4 т. 1918-2000. М., 2000. Т.1. С.267.

⁶ *Lapter K.* Pakt Piłsudski-Hitler. Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu pazemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962. S.261-266.

⁷ *Wojciechowski M.* Op.cit. S.32.

⁸ *Mackiewicz S.* Historia Polski od 11 listopada 1918 R. do 17 września 1939 R. London, 1941.

⁹ *De Launay J.* Wielkie spory współczesności 1914-1945. Kraków, 1978. S.556.

¹⁰ *Gawroński J.* Moja misja w Wiedniu 1932-1938. Warszawa, 1965. S.31.

¹¹ Ibid. S.425.

¹² *Wojciechowski M.* Op. cit.

¹³ *Климовский Д.С.* Зловещий пакт. Минск, 1968.

¹⁴ Там же. С.19.

¹⁵ *Gawroński J.* Op. cit. S.31.

¹⁶ *Switalski K.* Diariusz 1919-1935. Warszawa, 1979. S.660.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Цит. по: *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С.129.

²⁰ Там же. С.192.

²¹ Там же. С.191.

POLISH-GERMAN RAPPROCHEMENT IN 1933 YEAR AND THE QUESTION OF A PREVENTIVE WAR

D.V.Ofitserov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

The article is devoted to alternatives of development of the Polish-German relations and causes that determined the rapprochement between the two countries.